

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Россия меж друзей и врагов

Выражение «Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты» полезно дополнить вопросом: «А кто твой враг?». Именно это было сделано (и не в первый раз) в опросе «Левада-центра»¹, проведенном в праздничном мае 2026 года.

Кого же респонденты считают друзьями России? Из предложенных почти шести десятков стран лишь семь были выбраны хотя бы одной десятой опрошенных: Белоруссия (80%), Китай (63%), Индия (33%), Казахстан (33%), Северная Корея (26%), Иран (18%), Куба (11%). В ходе групповых дискуссий, когда информантам предлагалось самим назвать

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. — *Примеч. ред.*

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

дружественные страны, результат получился в целом таким же, но интересные комментарии.

Сначала обычно раздается голос: «У России нет союзников, только армия и флот». Эту фразу, приписываемую Александру III, любят патриоты, хотя, если вдуматься, она не очень-то лестна любезному ему и нам Отечеству. Китай, который иногда называют прежде Белоруссии, обычно сопровождают замечанием: «Он друг, но себе на уме, будет другом, пока ему выгодно». Могут добавить и претензии: «Китай зарится на нашу Сибирь и ее богатства. Вывозит наш лес, а нам возвращает мебель из опилок. Так что это друг особого рода». А вот Белоруссия — «наша навек», потому что зависит от нас во всем. Уважением пользуется только Индия — это великая страна, но она просто друг, не союзник, «воевать, если что, за нас не будет». А вот Северная Корея будет, Иран — может быть, поскольку у нас одни и те же враги и мы похожи: про наши порядки говорить сейчас не принято, но то, что строй Северной Кореи и Ирана деспотический, тоталитарный, жестокий, — это все понимают. Казахстан называют «своим» скорее по привычке и оговариваются: «Он вообще-то на Запад посматривает».

Из Европы в список друзей заносят разве что Сербию и Словению (их назовут два-три информанта; в опросе они собирают менее 10%), а затем новый тренд — африканские страны. Некоторые просто говорят: «Африка» или «почти вся Африка», давая понять интонацией или мимикой, что отношение к этим союзникам иронически-снисходительное. Они друзья, потому что от нас зависят. С таким же выражением называют и страны Центральной Азии, ранее входившие в СССР.

Получается, что друзья России — это не те, кого здесь уважают, а те, кому мы

нужны. Россияне определенно не хотят, чтобы их равняли с теми, кто сейчас числится в друзьях. Мы в том или ином смысле выше каждого из них или их всех вместе. Хочется быть, как Советский Союз, который вел за собой «развивающиеся страны», но сам был не из их числа.

А вот перечень стран, которые респонденты считают недружественными, враждебными по отношению к России (и которые были названы хотя бы 10% опрошенных): Германия (51%), США (50%), Украина (48%), Великобритания (44%), Польша (33%), Латвия (29%), Литва (28%), Франция (28%), Эстония (15%), Израиль (12%). Как видим, список врагов длиннее, а их «враждебность» (доля данных голосов) ощущается интенсивнее. Когда спрашиваешь почему, ответ после заминки: «Потому что мы очень богатые и нам завидуют». Под богатством подразумеваются, как правило, недра, а вот о зависти к образу нашей жизни не говорит никто.

Вопрос о том, почему же мы дружили с нынешними врагами, вызывает смущение или раздражение. Обычно отвечают: «Потому что раньше мы были слабыми, а теперь стали сильными», — но этот ответ самих информантов не устраивает. Они предпочли бы, чтобы можно было говорить, что те страны «всегда нас ненавидели»; картина тогда получалась бы куда более стройная и нынешний конфликт логично вытекал бы из нее как результат или часть вечной к нам вражды.

При этом все происходящее с февраля 2022 года не воспринимается ни как «настоящая война», ни как «война с Украиной». Нюансное, казалось бы, различие между формулами «война с Украиной» и «война в Украине» на деле велико, и предпочтение отдается второму варианту. Это не «война с Украиной» — поэтому среди враждебных стран Украина отнюдь не на первом месте, — дело

вообще не в ней, она просто территория конфликта, очередной фазы вечного противостояния России с Западом.

Такая трактовка чрезвычайно удобна и для политиков, и для массового сознания. Она снимает вопрос о том, кто первый начал, а значит, и вопрос о моральной ответственности. В 2022 году мы не начали, а просто ответили на враждебные действия. Снимаются и вопросы о том, чем все закончится и кто победит. Закончить такое невозможно — только приостановить, а победителя в вечно идущей войне не бывает. Или иначе: если столь могучий Запад не сумел нас захватить, поставить на колени, уничтожить, значит, мы победили — хотя бы в этом раунде.

Такое толкование стало рутиной, само собой разумеющимся объяснительным фоном для всего происходящего. Задаваемый подобным образом исторический масштаб противостояния делает СВО одним из его эпизодов, чем-то не настолько важным, происходящим где-то и как-то. Поэтому, например — к удивлению некоторых наблюдателей, — рост цен для россиян, как показывают опросы, проблема более важная, чем СВО.

Итак, мы противостоям Западу, под которым в России — как в политическом словаре (включая официальные медиа), так и в словаре обывателей — понимается главная враждебная сила. Однако более точное толкование наши информанты дать затрудняются. Они предлагают синоним: НАТО, но и с ним все непросто. Если раньше НАТО — это США и их европейские сателлиты, то после возвращения Трампа все сломалось. Россияне его обещаниям поверили, а он их не выполнил; за ним видели некую сверхсилу, а ее не оказалось; величие Соединенных Штатов в глазах наших сограждан он не поднял, а уронил. США для российских обывателей были великими ровно в меру той опасности, которую они представляли

для России. Заигрывания Трампа с Путиным наряду с провалом его обещаний прекратить конфликт за 24 часа привели к тому, что Америка для многих россиян перестала быть врагом «номер один» и потеряла авторитет в глазах тех, кто верит только силе и угрозам (а именно так большинство россиян — и «наверху», и в «низах» — понимают «геополитику»).

Мы спрашивали про отношение к США, Евросоюзу и НАТО. Вот результаты: к США хорошо относятся 26% респондентов, к ЕС — 18%, к НАТО — 10%; плохо к США относятся 56%, к ЕС — 64%, к НАТО — 73% (затруднились с ответом во всех случаях 17–18%). То есть отношение к США лучше, чем к Евросоюзу и к НАТО, и есть даже такие категории россиян, где до половины опрошенных отвечают, что относятся к Америке хорошо. И это не «оппозиция», не те, кто против Путина и его курса, — это лояльные граждане, однако чуть менее, чем большинство, зависящие от государства: студенты, домохозяйки, безработные (они и на Европу смотрят с меньшим презрением и негодованием, нежели «средние» россияне). Можно поздравить Трампа, который обещал вывести США из НАТО: в глазах россиян нечто подобное уже состоялось.

Общая геополитическая картина видится нашим согражданам так. Мы воюем с НАТО на территории Украины. Пока что действует нечто вроде негласного соглашения, что за пределы этой территории конфликт выходить не будет, но, говорят на фокус-группах, «мало ли, что Путин решит». Например, решит, что лучше нынешнюю армию в Россию не возвращать — от нее можно ждать то ли бандитизма, то ли каких-то политических претензий. Значит, надо найти ей новое поле деятельности. Тут прежде всего начинают думать про Прибалтику, а ее военный потенциал называют «смешным» (когда-то поговаривали про Польшу

и Финляндию, но теперь «с ними лучше не связываться»). Но прибалтийские страны — члены НАТО, а там есть «пятая статья». И хотя многие уже прознали, что она «на самом деле ни к чему не обязывает», опасения, что «НАТО за прибалтов вступится», существуют. Оценки же военного потенциала НАТО в сравнении с нашим у россиян неопределенные. То считают, «что они за эти годы разоружились и материально, и морально, а наша армия накопила уникальный боевой опыт», то говорят: «уж если с украинцами который год долбимся, то с немцами...» (фразу обычно не заканчивают).

Мысли о том, что конфликт в Украине может перейти в конфликт с НАТО, появились уже в первый год войны и, как следует из приводимых в таблице данных, существуют до сих пор.

Мысль о большой войне россиян не оставляет, но и ни к чему не подвигает. Уже давно установилась пропорция один-к-двум между теми, кто за продолжение военных действий, и теми, кто за мирные переговоры. Но вторые — это не «борцы за мир», а те, кто хочет, чтобы это мир

был на российских условиях (по крайней мере семь из каждых десяти настроены именно так). А покуда противник на такое не соглашается, они, «в принципе одобряя мирные переговоры», продолжают поддерживать действия вооруженных сил России в Украине. Тезис об «усталости от войны» в общем разделяется, но скорее как способ не думать о ней, забыть.

Таким образом, отношение к тем, кто воспринимается как друг или враг, к событиям в Украине определяется очень крупными мировоззренческими пластами. Часть из них сильно укоренена, часть привнесена пропагандой последних лет, но все вместе это тяжелый груз. Под ним лежат — они не исчезли — прежние ориентиры, как советские, так и постсоветские, перестроечные, и те, что пришли в пору свободного взаимодействия со всем миром, когда не вооружались, а разоружались и тратили деньги на жизнь, а не на смерть. Вернутся ли эти ориентиры, появятся ли новые идеи и ценности не из прошлого, а из будущего, нам еще предстоит увидеть.

	Май 2022	Июль 2023	Январь 2024	Июль 2024	Ноябрь 2024	Февраль 2025	Июнь 2025	Май 2026
Может	48	60	44	58	56	43	56	54
Не может	42	29	44	29	31	44	31	31

Может ли ситуация на Украине перерасти в вооруженный конфликт между Россией и странами НАТО? (%)
(недостающая до 100% часть респондентов затруднилась с ответом).